

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Рыжая девочка с зеленым бантом

Зимняя сказка

А. Шаров

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой появляются феи Леса и Скряга

В новогоднюю ночь, когда дети и взрослые собираются вокруг елки и пусто на улицах, Старшая Фея Леса летает над Старым Городом, прижавшись к Сосновому Бору, где она живет вместе с сестрой, тоже Феей Леса, но только Младшей и, как говорят, немножко глупенькой. Фея торопится, потому что сестра ни за что не сядет одна за праздничный стол. Она торопится, но все-таки хоть на минуту останавливается у каждого окна Старого Города. Этой ночью нужно услышать все мечты, все до единой; мечта, которую она не услышит, — умрет, а если умирает мечта — это почти так же невозможно, как если умирает человек.

Вот Фея приблизилась к вросшему в землю домику, вгляделась в единственное окно: маленькая девочка сидела рядом с матерью на дощатом топчане.

— Мама, — тихо пожаловалась девочка. — Мне почти семь лет, а я никогда не видела новогодней елки.

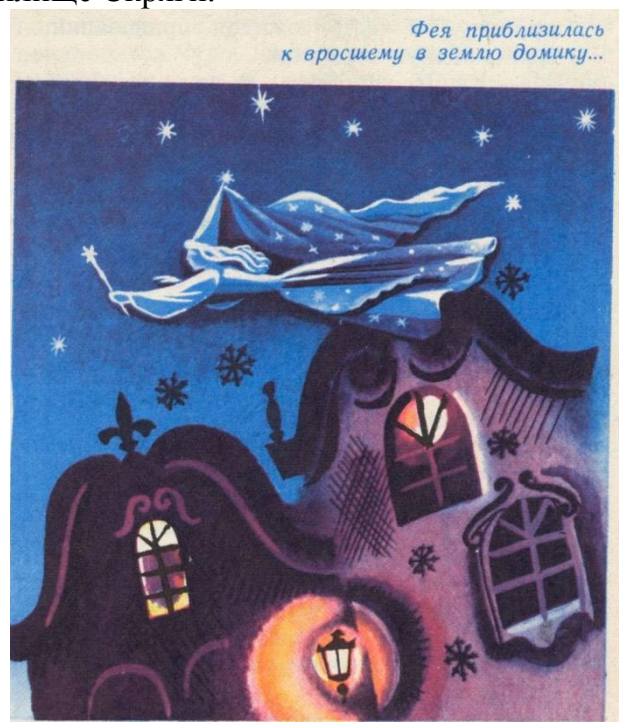
Фея открыла форточку и дунула. Зеленое облачко, возникнув у ее губ, пролетело в каморку. Там, где облачко коснулось пола, выросла елка, увешанная мандаринами, позолоченными грецкими орехами, чудесными игрушками.

Фея улыбнулась и подлетела к соседнему дому, окно которого было изнутри забрано решёткой из толстых чугунных прутьев. Прижавшись к стеклу, она увидела Скрягу. Это был не старый еще человек с длинным острым носом и крошечными злыми глазками. В углах его жилища — огромного сарая с низким потолком и голыми стенами — стояли мешки, доверху наполненные

золотыми монетами. Посреди закопченного потолка был вбит чугунный крюк. На квадратном столе лежала освещенная керосиновой лампой карта. Черной краской на ней был обведен Город. А старую сосну в глубине Бора — Фея ее сразу узнала — перечеркивал синий крест.

— Это только начало, — бормотал Скряга, сидя на колченогом стуле. — Я разорю всех и скоплю не четыре, а сто мешков золота. Тогда я куплю и вырублю Бор до самой маленькой елочки. Старшая Фея уберется позлу-понездорову вместе с дурацкими новогодними чудесами.

Фея услышала похвальбу, вытянула губы и сильно дунула. Серое, почти прозрачное облако, возникнув в воздухе, влетело в жилище Скряги.

Там оно сгустилось, как сгущаются обычно облака в капли дождя, и стал виден Эльф с прозрачными, как у стрекозы, крыльями.

Эльф облетел углы неприятного Скрягиного жилища, касаясь золота зеленой

палочкой. Сразу же зазвучал звонкий шорох, какой можно услышать лишь поздней осенью в лесу.

В этом не было ничего удивительного: монеты во всех четырех мешках превратились в опавшие листья. Они летели вверх, будто поднятые ветром, кружили под потолком. Скрыга ничего не замечал, пока сырой, холодный кленовый лист не сел ему на нос. Вот тогда-то Скрыга очнулся. Он стал вытряхивать мешки: пусто. Хотя ничего нельзя было разглядеть за окном, в темноте, но Скрыга сразу понял, чьи это проделки.

— Ты еще наплачешься! — закричал он хриплым, каркающим голосом. — Скоро, очень скоро я добуду Звериное Кольцо и превращу всех жителей Города в мышей, а из амбарных мышек сделаю себе подданных. Они-то без спору принесут мне все золото, какое еще осталось в Городе, а если понадобится, за корку сыра продадут не только тебя с сестрицей, но даже родную мать!

Не удержавшись, Скрыга взглянул на карту, где Старая Сосна была перечеркнута синим крестом.

— Ты очень устал? — тихо спросила Фея Эльфа.

— Я сделаю все, что ты прикажешь.

— Вырой Кольцо у Старой Сосны, спрячь его под Черным Камнем.

— Я все исполню, пока ты досчитаешь до тысячи, но только...

— Что «только»?

— А если Скрыга догонит меня? Ведь он становится очень быстрой, ужасно сильной и злой летучей мышью.

— Лети спокойно! — сказала Фея.

«Буммм», — гулко прозвучало в ночи. Это Скрыга подскочил и стукнулся лысой макушкой о чугунный крюк на потолке.

Фея от радости захлопала в ладоши. — Ведь Скрыге нужно пять раз стукнуться о волшебный крюк, чтобы превратиться в летучую мышь. Фея шепнула что-то Старому Дубовому Листу, который там, со стороны Скрыгиного жилища, прильнул к окну, ожидая приказаний. Лист молча кивнул черенком.

— Один, два, три... — считала Фея. — Сто семь, сто восемь, сто девять...

«Буммм» — Скрыга во второй раз стукнулся макушкой, о крюк.

— Триста три, триста четыре, триста пять...

Эльф, отмерив десять шагов от ствола Старой Сосны в сторону месяца, быстро рыл землю острой лопатой. Дубовый Лист спешил к середине сарая, где кружились в хороводе его братья. Для старика это был не близкий путь.

«Буммм», — прозвучало в третий раз.

Эльф рыл и рыл. Наконец ярким синим лучом сверкнуло Кольцо.

«Буммм», — Скрыга прыгнул четвертый раз.

Дубовый Лист долетел до цели. Танец сразу прекратился, листья замерли.

— Теперь-то, Фея, я рассчитаюсь с тобой! — прокаркал Скрыга.

Пожалуй, он рановато расхвастался. Листья, зашелестев, ринулись на него. Листья ивы и стручки акации кололи глаза, березовые и осиновые листья набили в ноздри, Дубовый Лист залепил рот.

— Восемьсот двадцать, восемьсот двадцать

один, — громко считала Фея, подбадривая друзей.

Скрыга втянул Дубовый Лист в рот, пожевал и выплюнул. Кленовые листья сменили старейшину.

«Куча мала! Куча мала!» — зашелестели листья, со всех сторон облепили Скрыгу и свалили на пол. Желудь, подскакивая, бил его по лицу, пока нос Скрыги не стал словно большая красно-синяя слива.

Эльф опустил на опушке леса и проговорил Большое Заклятье. Черный Камень поднялся над землей. Эльф, вырыв неглубокую лунку, спрятал Кольцо. Фея перевела дыхание, лицо ее снова стало спокойным. Желудь последний раз ударил Скрыгу по носу; вскочив на стол, он выбил отбой: «Там-та-ра-ра — победа!»

— Ох-ух-ах, как больно, — бормотал Скрыга. — Я, ой-ой-ой, отомщу. Я, ай-ай-ай, уничтожу все леса. Хотел бы я знать, где

тогда будут жить Феи и откуда возьмутся листья и этот гнусный желудь.

Часы на башне Главной площади показывали без четверти двенадцать. Жители Города, радостные и веселые, рассаживались за праздничными столами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

где появляется на свет Мальчик

Кряхтя и охая, Скрыга поднялся на ноги, разбежался, подпрыгнул и коснулся макушкой крюка.

«Буммм», — прозвучало в пятый раз. Огромная уродливая летучая мышь с такой силой ударилась о чугунную решетку, что оконная рама вылетела и со звоном обрушилась на булыжную мостовую.

Скрыга опустил на сухую ветку Старой Сосны. Мерзкая старуха с крючковатым носом до подбородка, подлетев на метле, устроилась рядом.

— Я выследила Эльфа и подслушала Большое Заклятье, — сказала она. — Дашь три мешка золота — все расскажу!

Баба-Яга прильнула к уху Скрыги. Пока она шептала, злые, острые глазки его становились еще острее и злее, а тонкие губы растягивались в ухмылку.

Тем временем Старшая Фея подлетела к последнему домику. За празднично накрытым столом у елки сидели Старик со Старухой.

Фея открыла форточку. Снежинки ворвались в комнату. Старик, подняв глаза, печально сказал:

— Был бы у нас сын... Позвал бы он друзей. Они бы играли, как эти снежинки. Тогда и умирать не страшно.

Фея Леса набрала воздуха в легкие и дунула. Голубое облачко скользнуло в форточку. Как только оно коснулось пола, возникла колыбель, где спокойно спал новорожденный Мальчик.

— Смотри! — воскликнул Старик.

— Успеешь налюбоваться, — ответила Старуха. — Скорее беги к соседке за молоком.

...Младшая Фея Леса сидела дома у окна и глядела то на месяц, то на лесную тропинку. Она была рыженькая, маленького роста, училась еще только в четвертом классе, все в лесу ее звали просто «Рыжик».

Фея рассеянно взяла в руку круглое зеркало. В нем отразилась девочка с большими черными глазами, с зеленым бантом в коротких растрепанных волосах. На курносом носу и вокруг него виднелось множество веснушек. Фея стала считать веснушки и насчитала ровно тридцать три.

Она улыбнулась, отложила зеркальце и только успела накрыть на стол, как вернулась сестра. «Динн... Динн... Дин...» — донеслось до Леса. Это городские часы отбивали полночь. Старшая Фея налила берёзовый сок в берестяные чашки.

— Пусть год, который сейчас наступает, будет счастливым! — сказала она.

«Динн... Динн... Дин...» — били часы. Скрыга собрался лететь к Черному Камню, но Баба-Яга положила ему на плечо костлявую руку:

— погоди, куманек! Полночь — заклатье потеряло силу. Только через восемь лет новогодняя ночь снова придется на новолуние. Потерпи! Помни, что добро с годами стареет и умирает, а злу не страшны ни старость, ни смерть.

Старшая Фея повернулась лицом к окошку и прошептала так, что ее слышали только сестричка да Баба-Яга — там, в глубине Леса:

— Нет, добро не умирает. Оно живет и растёт, как деревья в лесу, как растёт Мальчик, который родился сегодня у Старика со Старухой.

Баба-Яга ощерилась, выставив единственный желтый клык, и прошамкала:

— Ты не умнеешь, Фея. Пожалуй, ты еще неразумнее, чем твоя рыжая дурочка сестрица, если не запомнила, что обман сильнее любви, топор властвует над деревом, а Мальчик... Мы еще посмотрим, кем ему суждено вырасти.

Новогодняя ночь текла, как река, полная надежд и тревог.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Феи одаривают Мальчика

Мальчику исполнился месяц. Старики решили отпраздновать день его рождения. Они пригласили соседей и, как водится, Фею. Старуха испекла два пирога: один с яблоками — для соседей, а другой, маленький, с черникой, которую она сама собирала летом, — для Феи. Рыжик часто забегала к старикам, возвращаясь из школы — послушать сказки; она очень любила пироги с черникой.

Гости наклонялись над колыбелью. Мальчик каждого встречал улыбкой. Стемнело, соседи стали расходиться. Едва старики остались одни,

Дверь сама собой распахнулась. С улицы, хотя была зима, повеяло теплом. Вкатилась, разматываясь от порога к колыбели, зеленая ковровая дорожка. Снова подул слабый ветер, и влетел Эльф. Он встал на подоконник, поднял жезл и провозгласил:

— Фея Добра!

Появилась невысокая худенькая женщина с сединой в темно-русых волосах, с усталыми глазами. Мальчик потянулся к Фее, сел, потом поднялся на ножки. Фея взмахнула рукой и начала считать:

— Один, два, три... — задумавшись, сказала погромче: — Четыре!

Там, куда она смотрела, в воздухе между ёлкой и колыбелью возник куст сирени с четырьмя цветочными кистями в густой листве. В каждой из них спал гном. Соцветия окутывали гномов, как одеяла, высывались только головы в разноцветных вязаных колпаках с длинной кисточкой — синем, красном, зеленом и фиолетовом.

— Потом будет поздно, — сказала Фея, глядя на Мальчика. — Придется истратить одно чудо, чтобы научить тебя понимать и говорить, хотя кому лучше знать, чем мне, как может понадобиться тебе в длинной жизни каждое из чудес... Синий гном! — повысив голос, позвала она.

Гном в синем колпаке вгляделся в глаза Феи, соскочил на пол, вскарабкался в

колыбель и коснулся рукой груди ребенка — там, где сердце. Выполнив свое дело, гном исчез.

— Я слушаю, бабушка, — сказал Мальчик.

— «Бабушка»... — Фея вздохнула. — Знаешь, меня впервые так называли, ну... немножко непривычно. Но ты прав, для себя чудес не хватает — вечная история, сапожник без сапог... Ладно, слушай внимательно. Когда тебе понадобится чудо, но только если оно очень понадобится, если не останется другого выхода, вспомни сегодняшний вечер, и куст появится. Ты позовешь одного из гномов: «Красный гном», или «Зеленый гном», или...

— Гномы будут слушаться только меня? — спросил Мальчик.

— Тебя и еще того или ту, кому ты отдашь волшебный куст, как я отдаю его сегодня тебе. — Говоря это, Фея медленно подошла к раскрытой двери и исчезла за ней.

«Тик-так», «тик-так», — сквозь свист ветра донеслось с улицы.

— Фея Времени! — объявил Эльф, подняв жезл.

В дверях показалась сухопарая прямая фигура. Лицо Феи Времени было круглое, словно циферблат часов. А может быть, это и был циферблат часов, напоминающий лицо?! На нем ничего не отражалось: ни горе, ни радость, ни добро, ни зло — одно лишь время, которое одинаково спокойно, отсчитывает ли оно последние секунды умирающему или первые секунды новорожденному.

«Тик-так», — мерно звучали шаги Феи, пока она приближалась к колыбели. Руки ее двигались ровными взмахами, словно это были маятники.

— Это тебе, — сказала Фея тусклым, ровным голосом, положив Мальчику в ладонь маленькие плоские часы. — Тик-так-ой подарок.

Из часов выглядывала острая стальная игла.

— Если ты тик-так нажмешь, — Фея прижала ладонь Мальчика к острию иглы, — время остановится для всех, кроме тебя.

Мальчик придавил ладонью иголку. Руки Феи стали недвижны, пламя, взметнувшееся в печурке, застыло. Старуха, шедшая к столу, так и замерла с чуть поднятой над полом ногой. Повисли в воздухе снежинки, занесенные с улицы. Только из руки Мальчика струйкой стекала кровь. Лицо его с упрямо сжатыми губами выражало муку. Когда Мальчик отвел ладонь от острия иглы, снова все пришло в движение.

— Очень больно! — сказал Мальчик.

— Времени тоже очень больно, когда его тик-так останавливают.

С этими словами Фея скрылась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, ***где появляется незваная гостья***

Протяжно завыл ветер на улице, лютый холод ворвался в комнату, печурка погасла, стало темно. Когда порыв ветра утих, Старик зажёл свечу. На пороге стояла Баба-Яга с крючковатым носом до подбородка, со светящимися, как у кошки, глазами. Зеленая дорожка, сворачиваясь на ходу, откатилась в темный угол. Мальчик вскрикнул.

— Простите, пожалуйста, на дворе такая темь, вы, верно, ошиблись дверью, — вежливо сказал Старик. — Мы приглашали только Фею.

— А я кто?! — зашамкала гостья. — Я Фея Зла, хотя невежи называют меня Бабой-Ягой. Ты, старикашка, чуть не прогнал меня. Воля твоя, я стала от этого только вдесятеро злее! А ты, коврик, свернулся, чтобы бабуля упала на скользком полу?! Не выйдет! Я еще крепко держусь на ногах и только стала во сто раз злее. Сегодня понадобится вся злость, какая есть на свете; ее там, — мне на радость, немало!.. Чтобы придумать такое, — бормотала Баба-Яга, протянув к колыбели костлявые лапы с длинными когтями. — Убить тебя, загрызть, сварить в кипятке?! Сестрица Смерть рада стараться, но мне надо, чтобы ты мучился всю жизнь, чтобы вместе с тобой мучились все, кто любит тебя. Сделать тебя горбатым, безногим, слепым? Старику со Старухой все равно ты останешься дорогим. Отнять сердце, чтобы у тебя были пустые глаза, лед в груди?

Хорошо бы, но этого мне не осилить. Что же делать? Знаю! Я превращу тебя в собаку. Ты будешь все понимать, но говорить не сможешь, только лаять да скулить. Я буду тебя бить, морить голодом, посажу на цепь, чтобы ты сторожил избу на курьих ножках.

Тонкий отчаянный крик раздался из колыбели и оборвался, сменившись жалобным повизгиванием. В колыбели метался маленький чёрный пудель с курчавой шерсткой, умными, совсем человеческими глазами.

Раздалось тихое шуршание — это дорожка сама собой расстелилась от колыбели к двери. Новые гости, последние в тот вечер, который так счастливо начался, но грустно оканчивается, ступили на зеленый коврик.

— Мы опоздали! — сказала Старшая Фея Леса. — Я дала Мальчику жизнь, больше мне не дозволено его одаривать, но ты, Рыжик! Ты бы могла...

— Я виновата! Я виновата во всем! — Младшая Фея плакала, рыдания сдавливали горло. — Все оттого, что я такая глупая, глупее всех на свете. Если мне чего-нибудь очень хочется, не могу справиться с собой. А мне так хотелось сделать этот подарок. Я искала его в лесу с самого утра, а нашла только час назад — там, далеко, в расщелине Большой Скалы. Ведь еще только конец января...

Младшая Фея подняла руку с синим цветком и дунула на него. Цветок замер в воздухе перед колыбелью.

— Хи-хи-хи. Подснежник... Собаке?! — Ба-ба-Яга хохотала, держась за бока, не могла остановиться. — Вот уж действительно дурочка, ха-ха-ха. Вот уж действительно — нет зла, нет и ума!

Щенок глядел в глаза Рыжику, безмолвно спрашивая ее о чем-то.

— Ты хочешь понять, какие чудеса творит цветок? Никаких!

*Тонкий отчаянный крик раздался из колыбели.
Там метался черный пудель с курчавой шерсткой,
умными, совсем человеческими глазами.*

Но во всю твою жизнь, если тебе надо будет узнать, любит ли тебя та, о ком ты думаешь, — хотя ведь она всегда будет тебя любить...

Когда необходимо будет узнать, жива ли она, погляди на подснежник: если она больна или ранена, — подснежник опустит голову, станет ронять лепестки; если она умерла, — цветок сломается.

— Вздор! — завизжала Баба-Яга. — Чем болтать чепуху, сочинила бы лучше имя щенку.

— Имя? — Младшая Фея задумалась. — Хорошо! Пусть он называется Джубабыркорбамсамплампурроргин...

— Как?

Джубабыркорбамсамплампурроргин?! Хи-хи-хи, славно! Вот удружила. Такого мерзкого имени даже я бы не придумала.

— Опять шалишь, Рыжик?! — с упреком сказала Старшая Фея.

Рыжик обняла сестру за шею, что-то шепнула ей на ухо. Легкая улыбка появилась на лице Старшей Феи. А Рыжик подняла руку и громким, властным голосом сказала:

— Я, Младшая Фея Леса, повелеваю: если через девять лет и двенадцать месяцев, в канун Нового Года кто-нибудь назовет тебя Мальчиком, а не ужасным теперешним именем,

Джубабыркорбамсамплампурроргин, ты снова сделаешься человеком!

— Ты станешь человеком, только если эта «кто-нибудь» в тот день назовет тебя Мальчиком три раза, да еще поцелует, — перебила Баба-Яга. — И станешь человеком всего на одни сутки!

— Пусть так. Но если та, которая назовет тебя Мальчиком, добудет Звериное Кольцо, ты останешься человеком навсегда.

— Ты останешься человеком, только если Кольцо она добудет за одни сутки. И если никто из людей и Фей не будет ей помогать.

Баба-Яга сказала это, и сразу не стало видно ни ее, ни маленького черного пуделя.

...Тянулась прямо-таки бесконечная последняя ночь января. Феи вернулись в свой лесной дом. Крепко обняв сестру, Рыжик умоляла:

— Сделай так, чтобы я не становилась старше, пока его не расколдуют!

— Если я исполню твою просьбу, ты сейчас же, с этого часа начнешь превращаться в человека, а через десять лет станешь обычной девочкой. Ты разучишься летать и совершать чудеса, а они так нужны людям.

— Чудеса будешь творить ты!

— И даже если тебе посчастливится встретить Мальчика, ты не будешь знать, как расколдовать его, ты все забудешь — будь готова и к этому. А когда смерть станет властна над тобой, ты должна будешь научиться единственному неведомому нам, бессмертным феям, чуду — жертвовать собой.

— Я на все готова, — ответила Младшая Фея, глядя сестре в лицо смелыми черными глазами.

— Пусть будет по-твоему, девочка, — не сразу, чуть запинаясь, сказала Старшая Фея. — Пусть исполнится и эта мечта!

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой проходят год за годом

«Тик-так... тик-так», — отсчитывали часы. К ним прислушивались люди, звери, птицы. Фея Времени скользила над Старым Городом, над Бором, над всем миром, не замедляя и не ускоряя полета; все шло своим

чередом — старое старилось, молодое росло. Менялась и Рыжик, хотя она теперь не училась в школе Фей и на вид оставалась все той же веснушчатой десятилетней девочкой. Что-то совершалось в ней во сне и наяву: она забывала Волшебную науку — чудо за чудом, тайну за тайной. Все труднее становилось летать. Зато Белка научила ее прыгать и лазать по деревьям, как умеют только белки, а Заяц — бегать так неутомимо, как бегают зайцы.

Рыжик помнила, что Мальчика заколдовали, но кто заколдовал, и в кого его превратили, забылось. И забылось, как уничтожить страшное волшебство.

...Снова, в девятый раз с начала этой истории, наступил канун Нового года. Когда стемнело, молодой месяц узким серебряным диском всплыл над Старым Городом. «Наконец-то — Новый год и новолунье», — обрадовался Скряга. Он пять раз стукнулся лысой макушкой о волшебный крюк, кликнул Бабу-Ягу и из своего замка полетел к Черному Камню.

— Рой тут! — показала Баба-Яга, когда большое Заклятье было произнесено, и Камень поднялся в воздух.

Скряга копнул два раза, схватил Кольцо; он только успел отбежать, как Камень упал.

— Завтра мои молодцы срубят Бор, — отдышавшись, прокаркал Скряга. — Феи и Эльфы навсегда уберутся из моих владений.

— Осинничек оставь, — взмолилась Баба-Яга. — У болота, где моя избушка!

— И осинничек свалим. Собирай вещички — гвоздями дорожка!

— Что ты, куманёк! Да я ж тебе Кольцо... Ты ж обещал...

— Эх, старая карга — велика годами, да мала умом. Сама рассуди: чем мы, злые, пересилим добрых, если станем за добро платить добром?

Вернувшись в замок, Скряга позвал слуг и велел им к утру вырубить Бор и осинник до последнего деревца. И велел построить к утру вокруг Города высокую стену с одними-единственными воротами.

Не прошло и получаса, как застонала земля — это ряд за рядом, как скошенная трава, падали столетние деревья.

Старшая Фея, взяв на руки сестру, поднялась в ночное небо.

— Куда мы летим? — спросила Рыжик.

— В далекий Лесной Город, — ответила Старшая Фея. — Я стану учительницей, а ты пойдешь в школу, снова будешь учиться и расти, как обычные дети. Но немножко ты еще останешься феей. Наступит Новый год, десятый после того, как появился на свет Мальчик. Тогда я спрошу тебя в самый последний раз: «Ты совсем решилась стать человеком?» Что ты ответишь мне?

Рыжик молчала...

В Старом Городе между тем Скряга, поднявшись на крышу замка, повернул синее Кольцо на указательном пальце левой руки. Едва он сделал это, во всем Городе на улицах и в домах люди стали превращаться в мышей.

Скряга снова повернул Кольцо. Мыши, которые от рождения были мышами и жили в мучных амбарах, подвалах, подпольях, обернулись в людей и собрались все вместе, запрудив главную площадь перед замком. Они выглядели по-разному, но у всех были короткие, как шерстка, темно-серые волосы, маленькие мышинные глазки, острые мышинные мордочки, все были в мышинного цвета одежде. Они переговаривались на человеческом языке, но иногда, забывшись, что-то пронзительно пищали.

Скряга поднял руку и закаркал:

— Отныне я ваш повелитель — Король Скряга Первый.

— Да здравствует Их Величество Король Скряга Первый! — закричали все, кто был на главной площади.

— Занимайте человеческие жилища — они ваши навсегда, — продолжал Скряга. — Переройте подвалы, сундуки, взломайте нескораемые шкафы, тащите скорее в замок золото. За килограмм золота вам щедро отвесят по килограмму сыра и сала. А кто не выполнит нашего королевского повеления, подохнет с голоду!

— Да здравствует Их Величество Король Скряга Первый, властитель Сыров и Сала! — закричали на площади.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, где Рыжик встречается с Мальчиком

Наступило 31 декабря, десятый предновогодний день после начала этой истории.

Феи Леса жили теперь в Лесном Городе на шестом этаже дома четыре по Аниному переулку. На лестничную площадку, кроме их двери, выходила еще только одна — черная, всегда запертая. Старшая сестра работала в школе учительницей географии; никто и не подозревал, что она фея. А Рыжик училась в пятом классе той же школы. И о ней никто не думал, что она фея — да она почти уже и не была ею, — но зато все знали, что Рыжик играет в хоккей лучше мальчишек: шайбы она забивала по правилам, без всякого волшебства.

В тот день Рыжик быстро поднялась, оделась, умылась, но когда она уже нажала кнопку лифта, дверь соседней квартиры приотворилась, и выбежал большой черный пудель с человеческими умными глазами. Рыжик замерла от восторга, она просто не могла двинуться с места. Казалось, пудель тоже обрадовался, он сел напротив, не отрываясь смотрел ей в лицо, правой лапой ударяя по полу.

«Считает мои веснушки», — почему-то подумала Рыжик.

Пудель в самом деле ударил лапой ровно тридцать три раза, по-щенячьи завизжал от радости, виляя хвостом, подбежал вплотную, поднялся на задние лапы, а передние положил на плечи девочке; так он был выше Рыжика и еще больше походил на человека.

Рыжик погладила пуделя, а тот лизнул ей щеку. В эту секунду черная дверь распахнулась, показалась сгорбленная старуха со светящимися, как у кошки, глазами, с красным крючковатым носом до подбородка.

— Назад! — завизжала она, взмахивая плеткой.

— Как его зовут? — стараясь задобрить старуху, самым сладким голосом спросила Рыжик.

— Джубабыркорбамсамплампурроргин!

— Как, как? Джубабыр... Не выговоришь. Можно, я буду звать его Мальчик? Мальчик, ко мне!

Едва она сказала это, злая старуха ударила пуделя плеткой и затолкала в квартиру. Послышался отчаянный собачий визг. Рыжик колотила кулаками по двери и кричала:

— Вы не смеее! Не смеее!

Через минуту все затихло. Вечером, отпросившись у сестры, Рыжик гулять не пошла, а села на ступеньки. Почти сразу соседская дверь приотворилась, в узкую щель протиснулась голова пуделя. Мальчик! — позвала Рыжик, но дверь сразу захлопнулась... Дома Рыжик подошла к сестре, склонившейся над тетрадями, обняла ее.

— Слушай, Рыжик! — выговаривая слова отчетливо и ясно, как на уроке, сказала сестра. — Есть еще последние пятнадцать минут. Ты понимаешь, о чем я говорю?! Иди к себе и подумай.

Рыжик села на кровать, но думать не стала: «Все решено и навсегда». В доме напротив окна были празднично освещены.

— Ну что ж, будь что будет! — Старшая Фея поставила на стол бутерброды, пирог, стакан, где покачивался синий подснежник.

Едва она вышла, Рыжик услышала, что в балконную дверь кто-то скребется. Открыла — в облаке кружащихся снежинок ворвался черный пудель.

— Мальчик! — обрадованно воскликнула она.

Пудель, как утром, поднялся на задние лапы, а передние положил ей на плечи.

— Ты пробрался по карнизу?! Ты догадался, что я одна и тоскую. Ты хороший, ты храбрый!

Вот тебе за это! — Она поцеловала пуделя в холодный нос.

Глядит — перед ней мальчик со знакомым лицом, с очень знакомыми глазами. На его куртке еще таяли снежинки. Рыжик стояла ошеломленная. Все, что забылось, ушло вместе с феиным детством, как по волшебству вновь возникло в сознании.

— Ты меня спас-ла...— с трудом выговорил Мальчик.

«Спасла». Все только-только начинается»,— подумала Рыжик.

Где-то далеко поднялись в небо разноцветные ракеты новогоднего салюта. Рыжик заторопилась. За шкафом она надела лыжный костюм, теплый свитер, повязала волосы любимым зелёным бантом... Они стояли друг против друга — мальчик и девочка. Мальчик поднял руку, и возник куст сирени. Соцветия окутывали гномов, как одеяло. «И это тебе!» — сказал Мальчик. Из темноты выплыли небольшие круглые часы с острой стальной иглой. Мальчик нажал ладонью иглу, и все остановилось. В окне напротив замерли танцующие пары, замерли снежинки. Мальчик побледнел и закусил губу. Вот он отпустил иглу — танцующие закружились в вальсе, стрелки часов продолжали вечный путь. У Мальчика из ладони капала кровь. Пока Рыжик перевязывала ему руку, Мальчик проговорил:

— В Старом Городе часы потеряют силу: он заколдованный.

Рыжик кивнула, сделала два шага к балкону и рассмеялась:

— Совсем забыла, что не могу больше летать. Все-таки чудно становиться человеческой девочкой!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Рыжик отправляется в далекий путь

Последняя окраинная улица оборвалась, кругом стлалось снежное поле, прорезанное узкой тропинкой, которая на горизонте тонула в чёрном лесу.

«Так я ни за что не успею,— сама себе сказала Рыжик.— Вот бы сапоги-сороконожки!».

Куст сирени придвинулся, гном в красном колпаке соскочил на землю, и сразу впереди выросло бетонное здание магазина с зеркальными витринами. Неоновые светильники зажигались на фасаде: «Обувь! Обувь! Обувь!». В огромном зале рядами

стояли стеклянные подставки с туфлями всех цветов и фасонов, ботинками, сапожками, сапогами-сороконожками. Рыжик увидела красивые лаковые туфельки и не могла глаз оторвать от них. Конечно, она ни секунды не забывала, что ей нужно, но, так захотелось хотя бы примерить туфельки, хоть раз увидеть себя в зеркале, какая она в них.

Туфельки прищипали как раз по ноге. Рыжик, просияв, взяла покупку. Она уже приоткрыла рот, чтобы попросить показать сапоги-сороконожки, но ничего и никого кругом не было: по пустынному снежному полю ветер мел поземку.

— Профукала чудо, дура! — вслух сказала Рыжик, швыряя туфли в снег.

Сиреневый куст медленно, как бы нехотя подлетел к ней. Один гном спал, а другой, в зелёном колпаке, поднялся и сказал, отвечая на мысль, которая только пришла к Рыжику в голову:

— Нет, нет! Чудеса не повторяются!

Рыжик заплакала; сейчас она сама себя презирала.

— Видеть не могу, когда девчонки ревут!.. Погоди, кажется, придумал. — С этими словами Зелёный гном соскочил на землю.

Перед ним возникла скатанная зелёная ковровая дорожка. Гном легонько толкнул ее ногой, дорожка стала разматываться, но не по 31мле, а круто вверх. Гном зашагал по ней. Рыжик едва поспевала за ним. Они поднимались все выше и теперь видели позади Лесной Город в праздничных огнях, а впереди — чёрный лес, горы со снежными вершинами, бесконечное снежное поле, и там далеко — Старый Город.

Зелёный гном смешно прищелкнул языком, подмигнул Рыжику: «Не унывай, мол, скоро дойдем!»

Дорожка продолжала разматываться, теперь полого спускаясь над лесом, ледяными горами, снежным полем, до самого Старого Города.

Рыжик присела на корточки и заскользила все быстрее и быстрее — дорожка была гладкая, как ледяной трамплин. Ветер свистел в ушах, подошвы тонко скрипели,

вершины деревьев — там, под ногами,— с глухим шумом наклоняли седые головы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Рыжику приходится трудно

Рыжик очутилась среди лопухов, росших у края Главной площади. Впереди, шагах в трёхстах, высился огромный черный куб с черным куполом. В стене, сложенной из каменных глыб, не было окон, зияли одни-единственные ворота.

Еще не решив, что делать, Рыжик подошла к замку. Четверо часовых с длинными алебардами несли караул у ворот. Мимо сновало множество людей в мышинного цвета одеждах, с короткими серыми волосами. Они все время во что-то вглядывались, принюхивались, так сильно втягивая носом воздух, что слышался резкий свистящий звук, будто у всех тут насморк. Иногда они нагибались и, быстро перебирая длинными руками, бежали на четвереньках.

— Под страхом смерти сдавайте золото Их Величеству Скрыге Первому! Тот, кто найдет и принесет золото, получит лучшее сало и лучший сыр! — каждую минуту

вызывали служители в черных плащах и черных островерхих шляпах.

Рыжик стояла напротив ворот замка. Перед нею открывался высокий зал, освещенный только мигающими огоньками свечей. Посреди зала окруженный вооруженными стражниками и служителями на троне восседал Скрыга; за эти годы он ужасно растолстел.

От спинки трона к вершине купола, венчающего зал, поднимался золотой прут, он поддерживал золотую тарелку, казавшуюся на страшной этой высоте чуть больше булавочной головки. Голубое сияние лилось сверху, разгоняя мрак.

«Вот оно, долгожданное Кольцо! Но как добыть его?» С лихорадочной быстротой Рыжик перебирала и отбрасывала один план за другим. И тут она увидела толстого мышинного человека, который, держа обеими руками тяжелую сумку с золотом, приближался к замку. Рыжик пошла за толстяком, как тень, повторяя каждое его движение.

— Дорогу толстому мышечеловеку! — крикнули служители.

Часовые с алебардами расступились, толстяк шагнул уже на порог замка, но в этот момент Рыжика заметили. Со всех сторон послышалось: «Лови! Хватай! Держи!» Чья-то лапа клещами схватила плечо Феи. Она упала плашмя на землю, проскользнула между ног стражников и замешалась в толпе. Тут она чуть не столкнулась с гномом, выбежавшим ей навстречу из лопухов. Морщась, как от сильной боли, гном сказал:

— Раз уж иначе не получается, я проведу тебя в замок. Но знай, это грозит смертью, а если ты погибнешь, я себе никогда не прощу, и никто из гномов мне не простит.

Фиолетовый гном шел впереди; было очень странно, что толпа расступалась, давая ему дорогу, хотя никто гнома не видел. Рыжик даже не заметила, как очутилась в замковом зале. Сквозь беспокойный, колеблющийся свет свечей из-под купола лилось голубое сияние желанного, но недоступного Кольца. Было очень страшно, но, скосив глаза, Рыжик увидела, что гном у нее на плече, и немного успокоилась.

— Кто посмел впустить к Нашему Величеству рыжую нищенку?! — закаркал Скряга.— Эй, стража! Схватить негодяйку, упрятать ее в подземелье! Что-то уж слишком она похожа на Младшую Фею Леса.

Гном в ужасном волнении дергал Рыжика за мочку уха, повторяя: «Решай! Приказывай!» Стражники были уже рядом.

«Золото!» Рыжик еще не выговорила это вслух, только подумала, а гном стремглав летел вниз. Там, где он коснулся пола, мгновенно возник мешок, полный новенькими золотыми монетами.

— Золото! Золотишечко! — каркал Скряга. — Под страхом смерти ни с места. Вы у меня все воры; к золоту подойду один я!

Переваливаясь с ноги на ногу, как утка, Скряга бросился к мешку. Он пересыпал монеты из одной руки в другую, зарывался в них острым носом, хихикал, приплясывал. Желтые кружочки из его рук стекали обратно в мешок. Какую-то странную, непонятную песенку вызванивали они!

О Рыжике все забыли. Чего еще ждать? Она вскочила на спинку опустевшего трона, охватила руками и ногами золотой прут и стала карабкаться все выше; так учила ее когда-то Белочка подниматься по гладкому стволу сосны. Вот уже золотая тарелка над головой. Рыжик протянула руку и сжала в кулаке заветное Кольцо.

Вж-жжж-жик! Рыжик соскользнула по пруту, будто упала звезда. Голубой свет достиг Скряги. Он выпрямился, увидел девочку и завизжал: «Схватить!» Может быть, тут и оборвалась бы вся эта история вместе с жизнью Рыжика, но в душном полумраке в эту самую секунду раздался тихий всплеск, будто кто-то очень маленький ударил в ладоши. Едва прозвучал еле слышный сигнал гнома, золотые монеты превратились в то, чем они были на самом деле: в багряные листья клена, бурые листья дуба, в острые желтые листья ивы. Они вылетели из мешка все сразу. Листья ивы устремились к Скряге, к служителям и стражникам, ослепляя их; и те роняли алебарды, топтались, нелепо расставив руки,

будто играли в прятки, падали, натыкались друг на друга, зло и испуганно пищали.

Рыжик осторожно пробиралась через дерущуюся, визжащую толпу. Яркий зимний свет коснулся лица. Она увидела, правда, очень далеко, в конце улицы, городские ворота с высокими башнями по сторонам и только успела подумать: «Теперь все будет хорошо»,— как донеслось карканье Скряги, повторенное тысячами служителей.

— Сыр... Тысяча кругов сыра тому, кто схватит и передаст в руки Нашего Величества рыжую девочку с зеленым бантом!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, **в которой город гонится за** **Рыжиком**

Рыжик бежала что было сил. Мышиные люди гнались по пятам. До ворот оставалось тридцать... двадцать... десять шагов.

Из-за угла показалась телега с большой деревянной клеткой. Верзила живодер волочил к телеге отчаянно визжащую пегую собачонку. Рыжик заглянула в тусклые, беспощадные глаза живодера и забыла обо всем на свете. Она свернула чуть в сторону, с разбегу ударила верзилу головой в живот так, что тот, согнувшись от боли, выпустил собачонку. За эти секунды отряд стражников, пробежав вдоль городской стены, запрудил путь к воротам. Толпа придвинулась почти вплотную!

— Назад! — крикнула Рыжик, поворачиваясь к преследователям и подняв руку с Синим Кольцом.— Назад, или я вас всех превращу снова в мышей-

Мышиные люди, скаля зубы, стали медленно пятиться. Толпа расступилась, показался серебряный помост, который держали на вытянутых вверх руках служители. Золотые ступени поднимались от помоста к трону, где восседал Скряга. Он торжествовал, жирное лицо его с оскаленными зубами ухмылялось.

— Десять лет назад я обещал за все рассчитаться с вами, Феи Леса, — начал он, не сводя маленьких злых глаз с Рыжика. —

Настал срок выполнить обещание. Будь ты Феей, ты могла бы взлететь хотя бы на башню у ворот, оглядеть оттуда Город и превратить всех моих подданных в мышей. Но ты теперь самая обыкновенная жалкая, глупая девчонка. Кольцо послушается тебя всего три раза, а потом ты в моей власти! — Скрыга поднялся и прокаркал: — Ты мечтала о человеческой доле. Рыжик! Пусть же мечта исполнится, только не по воле твоей сестрицы, а по воле Нашего Величества. Эй, палачи!

Из толпы шагнуло двое палачей с секирами в руках.

— Вот она, человеческая доля, любуйся! — Скрыга снова уселся на троне и после долгого молчания закончил: — Впрочем, если ты станешь на колени и пообещаешь до смерти оставаться верной рабой Нашего Величества, пожалуй, мы смиростивимся и сохраним на твоих плечах глупую голову с зеленым бантом.

— Хорошо..! Я подумаю...— медленно, запинаясь, ответила Рыжик.

— Всемиловитейше даруем тебе десять минут, но ни одной секундой больше... Эй, вы! Кто шевельнется, кашляет, переступит с ноги на ногу, пока Наше Величество изволит отдыхать, будет казнен.

Скрыга привалился к спинке трона и захрапел.

Старый Город затих, застыл, словно умер. Ни шороха, ни вдоха, только храп Скрыги. Среди мертвенной этой неподвижности Рыжик стрелой пробежала несколько шагов, отделявших ее от серебряного помоста; сжалась в пружину, как учил когда-то Заяц, и взметнулась в воздух прямо вверх.

И вот уже она на плечах неподвижных служителей. Еще прыжок и — дзинь! — ноги ее ударились о помост. Дзинь-дзинь-дзинь! — звенят под ногами ступеньки трона. Прыжок — Рыжик на голове Скрыги, не успевшего еще проснуться. Как белка, перелетела она с плеч Скрыги на стену, распахнула дверь башни и побежала выше, выше по гудящей под ногами винтовой лестнице. Вот она на вершине башни, на смотровой площадке, выше замка.

Рыжик перевела дыхание. Она осторожно опустила на каменный пол пегую собачонку, которую все время прижимала к груди, обвела взглядом Старый Город от края до края, повернула Кольцо на указательном пальце и сказала:

— Пусть мыши, превратившиеся в людей, снова станут мышами!

Ах, что качалось в Старом Городе, когда прозвучали эти слова! Живодер, который гонялся за таксой, сделавшись мышью, сам пустился наутек. Алебарды, звеня, падали на мостовую, а из рукавов мундиров выпрыгивали мыши, недавние стражники, и разбегались куда глаза глядят. А ведь еще секунду назад все их так боялись.

Рыжик тем временем, снова оглядев Город, сказала:

— Пусть тот, кто был человеком, кто даже в мышинные времена оставался достойным этого имени, снова станет человеком.

Люди выбрались из темных нор и со слезами счастья глядели на зимнее солнце, на синее небо. Потом они достали из подвалов замка лучшие яства и сели за праздничный стол; позже, чем во всем мире, но, что поделаешь, иногда праздник опаздывает, главное — чтобы он все-таки наступил.

— Ужасно трудно из мыши снова сделаться человеком, и если уж выпало такое счастье, будем всеми силами беречь его, — говорили они ДРУГ другу.

Город праздновал, но та, которая подарила ему праздник, не видела и не слышала пирующих. Она бежала по снежному полю к неприступным горам, к черному дремучему лесу. Домой! К Мальчику. К последнему, третьему чуду, которое должно совершить с таким трудом добытое Кольцо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, где время то летит, то останавливается

Рыжик бежала так быстро, что пегая собачонка едва поспевала за ней.

— Возвращайся в Старый Город,— сказала Рыжик собачке. — Там хорошо там больше не

будет живодеров. Возвращайся, впереди такая трудная дорога, а ты маленькая и слабая!

— И ты не так уж велика и не так уж сильна. За всю мою жизнь ты одна пожалела меня. Честное слово, я тебя никогда не покину.

Часы времени показывали два пополудни. До того, как минет срок, оставалось всего десять часов. Вот теперь-то Рыжик сжала ладонью часы. Другой рукой она подняла пегую собачонку, которая тоже, как и все вокруг, неподвижно застыла.

Рыжик бежала, порой по пояс проваливаясь в снег. А кровь текла, ее становилось все меньше у Рыжика. И силы убывали. Она то отпускала часы, чтобы хоть немного "передохнуть, то снова сжимала их. Кровавый след оставался за ней на снегу. Уже совсем стемнело, когда она добежала до гор. Рыжик с отчаянием подумала, что никогда не одолеет эту почти отвесную ледяную стену, но собачка нашла тропинку, протоптанную горным медведем, властелином здешних мест.

Было девять часов, когда Рыжик достигла вершины. Отсюда в дальней дали, за Черным лесом, можно было различить электрическое зарево Лесного Города. Но Рыжик не видела огней. Глаза ее закрылись, и она упала, потеряв сознание, и теперь кувырком катилась по крутому склону, кончавшемуся в Черном лесу. Пегая собачонка бежала рядом, лаяла, звала на помощь, но никто не откликался. Должно быть, никого и не было в горах той ледяной ночью.

Наконец Рыжик очутилась на небольшой каменной площадке у самого подножия гор. Она лежала неподвижно и непременно замерзла бы, но из ночного неба стая за стаями стали спускаться осенние листья и укутали ее с головы до ног.

Листья, листья... Они рождаются зелеными, веселыми и все долгое лето кормят, одевают дерево, не отлучаясь ни на шаг. Осенью они преображаются на зависть самым первым красавицам; теперь в желтом,

золотом, оранжевом, пурпурном светится все, что они успели узнать, услышать, понять: песни птиц, шепот влюблённых, бег оленя и крадущийся шаг волка, сполохи лесных пожаров — словом, все-все. Теперь они чаще нетерпеливо взмахивают крылом, чтобы наконец оторваться от дерева, которому они больше не нужны, и постраниковать по белу свету: «Себя показать и других поглядеть». И вот уже они летят, опускаясь ненадолго, чтобы снова подняться в небо. Летят, даруя радость всем, кто их увидит, а иногда, если придется, вмешиваясь в человеческие и волшебнические дела, как рассказано в этой истории.

*Рыжик повернула Кольцо на пальце и сказала:
Пусть мыши, превратившиеся в людей,
снова станут мышами!*

И вот, погасшие, они снова согреваются, уже не дерево, как в юности, а человека, маленькую девочку. Тихо, тихо, устало шелестят они; этот напев совсем не похож на прежние песни, и слышится в нем одно — спокойное прощание с жизнью тех, кто выполнил все сужденное, кому в прошлом не о чем сожалеть.

Высокий лиственный холм укрыл Рыжика. Пегая собачонка забралась на его вершину и лаяла, не переставая: «Если есть хоть одна живая душа, отзовись!»

А секунды бежали и бежали. Рыжик снова сжала было часы, но сил не осталось, ладонь сама собой распрямилась; время побежало к

полуночи, к последнему сроку, к смерти, может быть...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой то, что должно сбыться, сбывается

А там, в Лесном Городе, Мальчик и Старшая Фея Леса не спускали глаз с подснежника. Цветок склонялся, вот-вот сломается, лепестки закружились в воздухе. Старшая Фея выбежала на балкон, взлетела, бросилась в ночную вьюгу. Злой ветер швырнул ее обратно — феина наука не разрешает помогать другой фее, по своей воле избравшей человеческую судьбу, даже если она твоя сестра.

Теперь Мальчик бросился искать Рыжика. Он бежал по заметенным снегом ее следам, будто ясно видел их — недаром он столько лет был собакой! — по окраинным улицам, полем до леса, и дальше, натываясь на черные стволы деревьев, продираясь сквозь колючие кустарники.

Вдруг сквозь треск ломающихся сучьев и гул зимнего ветра послышался собачий лай: «Спасите-е-е! На по-о-оо-мощь!»

Одна-единственная минута оставалась до двенадцати часов, когда Мальчик подбежал к подножию гор. Рыжик услышала шаги, частое дыхание и сквозь толщу листьев угадала Мальчика. Из последних сил в самую последнюю секунду она повернула Кольцо, и колдовство навсегда рассеялось.

В ту же секунду все часы в Лесном Городе стали отбивать двенадцать: «Бим-бимм-бимм»; «Бом-бомм-боммм», «Дили-динь-дили-динь, ди ли-динь».

Мальчик разбросал листья, поднял Рыжика и побежал. Она была ужасно бледна, ни кровинки в лице. На пустыре, где ровно сутки назад началось ее путешествие, Рыжик вдруг слабым голосом попросила:

— Там где-то лежат туфельки. Пожалуйста, найди их и подари мне на Новый год.

И в самом деле, какой же Новый год без подарка?..

Во второй раз Рыжик очнулась, когда они были уже в подъезде дома.

— Как тепло,— прошептала она.

Старшая Фея Леса уложила Рыжика в постель, заботливо укрыла ее.

— Он окончился, человеческий подвиг, который ты мне предсказала? — спросила Рыжик сестру. — Я справилась?

— Ты отлично справилась. Тебя называли глупенькой, но я-то всегда знала, какое у тебя мудрое сердце. Ты справилась, Рыжик, но человеческий подвиг никогда не кончается; он так же короток, и долог, как коротка и долга сама человеческая жизнь.

Старшая Фея и Мальчик, ступая на носках, вышли из комнаты, пегая собачонка свернулась на коврик у кровати; один глаз у нее закрылся, ведь она тоже очень устала, но другой оставался открытым. Сквозь чуткий сон она вслушивалась в темноту — сторожила свою хозяйку.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ и последняя, где исполняется еще одна мечта

Я жил в том же Лесном Городе, в том же самом доме номер четыре по Аниному переулку, только этажом ниже Рыжика и кое-что из того, что здесь рассказано, наблюдал своими глазами.

А потом Рыжик с сестрой и Мальчик переехали далеко, на другой конец Города. Мы не виделись ровно восемь лет. Совсем недавно, тридцать первого декабря 1976 года в одиннадцать часов ночи, я шел по бульварам к друзьям встречать Новый год. Невдалеке стоял отлитый из чугуна черный памятник поэту — в крылатке, со шляпой в руке, с обнаженной, не успевшей поседеть в короткой жизни, но сидящей от снега курчавой, чуть склоненной головой.

Как же хорошо зимней ночью на старом бульваре! Я шел, повторяя про себя то, что шептали чугунные губы поэта, и забыл обо всем, когда вдруг столкнулся, как говорится, нос к носу с Рыжиком и Мальчиком.

Они очень выросли, особенно Мальчик, и, по правде, следовало бы их называть

юношей и девушкой, но для меня они по-прежнему оставались девочкой и мальчиком.

Мы обрадовались неожиданной встрече, поздравили друг друга с наступающим Новым годом, Рыжик даже чмокнула меня теплыми губами, а я поцеловал ей руку, хотя она не очень-то походила на взрослую даму, и спросил, где и с кем они собираются встречать праздник.

— В лесу, конечно,— ответила Рыжик.— Со Стариком и Старухой, с Белкой и Зайцем, которые учили меня в детстве, с гномами, нашими друзьями.

— А сестра? — спросил я.

— Конечно,— ответила Рыжик,— но она прилетит попозже. Ведь сестричка не только учительница, но и Фея. Разве вы не знали? Она должна этой ночью услышать все мечты, все до единой, даже самой крошечной; мечта, которую она не узнает, умрет, а когда умирает мечта, это почти так же невосвратимо, как когда умирает человек. Мечта же, доверенная ей, исполнится.

Я задумался. Я очень глубоко задумался и не сразу решился признаться:

— У меня тоже есть мечта!

— Какая? — спросила Рыжик.

— Написать сказку... О вас... Я давно думаю об этом.

— Обо мне и Мальчике? — Рыжик вскинула глаза на своего спутника. Они весело рассмеялись. — Ну что ж, идите домой, садитесь к столу и ждите. Сестра прилетит, и мечта исполнится. Все, все исполняется, но, конечно, только если вы верите в чудеса и сказки.— С этими словами Рыжик исчезла вместе с Мальчиком и собачкой.

Я остался один. «Если вы верите», — сказала Рыжик. Конечно, я верил. И не только потому, что мы встретились на этом удивительном бульваре, полном стихами, сказками, пророчествами, доверием к человеческому сердцу — разве это не главное из того, что Поэт подарил людям?!

Верил еще и потому, что как раз в годы, когда дети взрослеют, долго тяжело болел, и врачи разрешили мне читать только сказки. И когда я выздоровел, сказки остались со мной, хотя я это и не сразу понял. Остались,

как остаются порой перелетные птицы зимовать на незамерзающем озере.

Я верил в чудеса, пошел домой, как сказала Рыжик, и сел к столу у окна. Часы показывали без одной минуты двенадцать, без одной минуты Новый год, когда сама собой отворилась форточка и в комнату влетело голубое облачко. Оно невесомо коснулось плеча. Я скосил глаза и увидел: облачко превратилось в Эльфа.

Как раз по радио стали передавать бой Кремлевских часов; когда они пробили в последний двенадцатый раз, Эльф плавно взмахнул серебряной палочкой.

Сразу погасла лампа на столе, и, как мне смутно помнится, погасла не только она одна, а все вокруг: фонари на улице, витрины и окна дома напротив, луна и звезды в небе. Сделалось так темно, что большей темноты нельзя вообразить.

Темно, но не страшно.

В чернильной тьме передо мной стали разворачиваться, двигаться, жить картины, записанные в этой истории. Они разворачивались одна за другой. Как в кино? Как в театре? Нет, нет, совсем иначе. Как наяву? Тоже нет. Как во сне? Да, это немного походило на сон, но с открытыми глазами, на длинную цепь снов, то страшных, то грустных, то радостных.

И еще это немного походило на удивительно странный медленный танец. Но больше всего это напоминало что-то, чего назвать я не умею; нет у меня таких таинственных слов.

Я смотрел сквозь чернильную темноту на эти картины, кое-что коротко записывая для памяти. Эльф, наверное, хорошо видел в темноте; иногда он тихо, чтобы не отвлечь, не помешать смотреть, поправлял меня. Однажды он сказал:

— Ты написал: «маленький Эльф». Это неточно и обидно. Ты, например, гораздо меньше слона, но для человека достаточно велик. Так и мы, эльфы. Маленьким по справедливости следует называть даже не того эльфа, который живёт в чашечке ландыша, а того, дворец которого умещается в капле росы.

Я запомнил поправки Эльфа, продолжая смотреть и записывать. Уже закончилась новогодняя ночь, темнота редела, развиднялось, когда я увидел Рыжика,— она лежала в своей постели с открытыми глазами, — увидел Мальчика, Старшую Фею Леса, пегую собачонку и слышал слабый голос Рыжика:

— Он окончился, человеческий подвиг, который ты мне предсказала? Я справилась?

И слышал ответ сестры:

— Ты отлично справилась, но человеческий подвиг никогда не оканчивается; он так же короток и долог, как коротка и долга человеческая жизнь.

Только она замолкла, фигуры тех, кого я успел так полюбить, стали бледнеть, удаляться; вскоре они совсем исчезли.

За окном в зеленовато-голубом зимнем небе! медленно поднималось солнце. Где вы сейчас, Рыжик и Мальчик, Старик со Старухой, Старшая Фея Леса — фея мечты? Где бы вы ни были, от всего сердца желаю вам новогоднего счастья, которое вы так заслужили.

